

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б38

Бежин, Леонид.

Б38 Грот, или Мятажный мотогон / Леонид Бежин. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-133337-9

Девяностые годы. В маленький городок на Оке возвращаются из заключения бывшие прихожане отца Вассиана, взятые им на поруки, — Вялый и Камнерез. В этот же день из Петербурга приезжает главный герой романа Евгений Филиппович Прохоров, философ и богослов, сторонник эзотерического христианства, призывающий к новому прочтению Библии и постижению ее тайного языка. Этим четверым по ходу действия суждено столкнуться в смертельной схватке...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-133337-9

© Текст. Леонид Бежин, 2020
© Оформление
ООО «Издательство АСТ»

Памяти Евгения Сергеевича Полякова

Жестокое, тупое, зверское убийство в Бобылеве потрясло не только сам городок — один из многих маленьких, дремотных, зачарованно-тихих городков, опрокинувшихся отражениями на зеркальную гладь Оки, но и всю округу вплоть до Серпухова. Гром прогремел и отозвался дальними, глухими раскатами. В соседних с Бобылевым деревеньках, да и в самом Серпухове, на всех углах перешептывались, крестились, ужасались содеянному. Убитого, как водится, жалели, прочили ему Царство Небесное, но кто он и откуда, даже как его звать, точно сказать не могли. По словам одних, тутошний, здешний, другие же уверяли, что приезжий, из Москвы, из Ярославля, из Саратова. Кто-то надсадно кричал — доказывал, что из Вологды.

Далась же ему эта Вологда — именно потому, что далекая, вона где...

Впрочем, духовенство что-то знало и предпочитало молчать, не распространяться, попусту не множить слухи. Хотя похоже, что предпочитало жалеючи, со скорбными лицами. Все-таки смерть того заслуживает, а там кто разберет, кому случившееся в скорбь, а кому в тайную радость.

Панихиду по убитому не служили — ни на третий, ни на девятый, ни на сороковой день; не объясняя причин, воздерживались, уклонялись...

За девяностые годы к убийствам в народе привыкли. Не удивлялись, когда убивали богатеньких — тех, что выперли, как грибы из-под лесного наста, или местная братва во время разборок рядами укладывала соперников, чтобы их затем с завыванием духового оркестра, венками и почестями хоронили в массивных лакированных гробах, окутанных дымом кадильниц.

Но все отказывались верить, что перерезать горло (убитому, по рассказам, именно перерезали горло), в сущности, могли каждому, не замешанному ни в каких разборках, не имевшему несчастья баснословно разбогатеть, наголо обрить голову, обзавестись мерседесом с бронированными стеклами, охраной и «красным пальто до самых ног», как тогда говорили.

Нет, сия плачевная участь, оказывается, выпадала и прочим, имевшим «бедствующую и худую» руку, мусолившим последние рубли до зарплаты, как во времена нерушимого союза.

Впрочем, в оные времена — надо отдать им должное — зарплата еще была, исправно выплачивалась (за ней цепочкой стояли к окошечку). Но затем для многих ее не стало — уплыла, сгинула, — так что и мусолить оказалось нечего. И уж тем более не было повода брить голову, шить красное пальто — какое там! Носили все те же круглые очки (очечки) и бородку. Словом, на бухгалтерском языке (распространенном в девяностые), числились по правой колонке, по статье *крЕдит* или убыток, то бишь пополняли ряды нищей интеллигенции, пролетариев умственного труда.

Интеллигенцию же из автоматов не косили — кому она нужна, а тут ножом полоснули по горлу. Жуть!

Первым труп обнаружил полупомешанный нищеврод и дворомыга Гиви, ночевавший на берегу Оки, под перевернутой лодкой. Он завизжал от ужаса, куснул себя за палец и бросился к знакомому сторожу Клавдию (получил имя в честь римского императора) — поведать о случившемся. Тот самолично глазеть на труп не стал (мертвяков боялся) — прямиком в милицию: так, мол, и так... Доложил.

На место происшествия срочно выслали наряд на двух мотоциклах: сообщение подтвердилось. Из отделения тотчас позвонили в Серпухов, оповестили прямое начальство и прокуратуру, вызвали следователей. А там дошло и до Москвы...

Словом, закрутилось.

Дело расследовали долго, кропотливо, с дотошностью. Как-никак убийство, совершенное с особой жестокостью. Да и Москва на горизонте маячит: высоко сижу, далеко гляжу. Сначала взяли двоих — те почти и не отпирались, а затем нашелся третий подозреваемый, который сразу и сознался. Не без достоинства, надо сказать, с покаянным смирением, опущенной головой взял на себя вину. Во всяком случае, так рассказывают...

Словом, все было ясно — кроме причины. По какой причине, собственно, произошло убийство. Вернее, по мнению следователей, причины-то никакой и не было — во всяком случае, причины настолько весомой, чтобы из-за нее убивать. Хотя некоторые из опрошенных — образованная публика — утверждали, что причина была, и даже приводили как доказательство исторические, вековой давности примеры.

Это окончательно запутало и смазало дело. Его с трудом довели — доволокли, дотащили — до суда. Судебное заседание хоть и проходило не при закрытых дверях, но без наплыва журналистской братии и любопытствующих, с присутствием духовных лиц. Да и сознавшийся — третий — подозреваемый сам был лицом духовным, хотя и с богатым прошлым.

И, что совсем уже странно и даже дико, свидетели — те, что из образованной публики, — во время суда поговаривали о двойном убийстве — по Достоевскому. Это уж вовсе литература — если не в духе самого Федора Михайловича, то в духе девяностых, где на двойных, тройных, четверных убийствах все замешено.

Поэтому председательствующий на суде это обстоятельство к рассмотрению не принял. Не хватало еще, чтобы у нас в судах объявились свои Карамазовы, а вместе с ними и сам черт — этот известного сорта русский джентльмен — наследил, напачкал своим копытом...

Глава первая

Отпускают на поруки

В самом начале апреля 199... года, когда до Благовещения оставалось три дня, отец Вассиан Григорьев получил конверт с письмом из прокуратуры. Он выпал ему на большие ладони с незаживающими рубцами и мозолями из синего почтового ящика (открывался снизу), прибитого к калитке.

Пролежал в нем два дня, отсырел и набух.

Отец Вассиан просушил его, приложив к изразцовой печке, отчего бумага запахла ванилью, и положил на стол обратным адресом — прокуратурой — вниз.

Осевший снег за окном грязновато серел и расползался, как свалявшееся солдатское одеяло. Кряжистый дуб возле храма (придел Святой Троицы закрыли из-за обрушившейся крыши и выбитых окон) посверкивал оттаявшим льдом в извилистых бороздках коры.

Ока посуровела, как Ярое Око. Она вздыбилась, выперла ребра толстых льдин, вскрылась, понемногу очистилась, и пустили паром — бороздить бескрайние просторы. Опять тот же паром, старый, допотопный (похожий на Ноев ковчег), разошедшийся, с осевшей кормой и колесами, шлепавшими по мутной воде лопастями.

Пока конверт лежал на столе, у отца Вассиана обозначилась чернота между сомкнутыми (стиснутыми от

напряжения) губами — признак безотчетного тревожного надсада. Он отер ладонью щеки и лоб, словно желая согнать с них выступившую рябину. Взметнул рыжеватые треугольники бровей, изобразив лицом подобающую случаю значительность, смешанную с невольным страхом.

Крякнул, охнул и взялся за поясицу: аж стрельнуло.

Затем походил по комнате, потоптался, покружился на месте, как тетерев на току. Постоял у окна, глядя, как по Оке медленно, грузно, с черепашьей скоростью движется, шлепает лопастями по воде Ноев ковчег, осевший от тяжести груза и пассажиров (некоторые переправлялись на лодках: хоть и дороже, но быстрее).

Отец Вассиан истово, размашисто перекрестился перед иконами — что твой кряжистый дуб, раскинувший на ветру узловатые ветки. Поправил — выпрямил — свечку в подсвечнике. Вытер налипший на пальцы воск о полу подрясника.

Сам распечатывать конверт не стал — остерегся. Руки, было, потянулись, но он их отдернул. Позвал жену, матушку Василису, стучавшую в соседней комнате на пишущей машинке (перепечатывала его недавно законченные «Заметки о вере»).

— Выдь-ка на минутку. После достучишь. Глянь-ка, что пишут. Прочти мне.

— Обожди, хоть страницу закончу.

— Какая ж страница?

— Та, где о Троице.

— А, эта важная. Святое дело. Достучи.

Отец Вассиан сел, чтобы не стоять, не маячить перед окном (среди соседей находились любители в окна заглядывать). Но как-то было невмоготу, и он встал, чтобы не сидеть.

— Все, что ли? — спросил жену с нетерпением.

— Экий ты. Вот из-за тебя ошибку ляпнула.

— После забелишь. Прочти. — Отец Вассиан уже достал ножницы из шкатулки (с нитками и иголками), чтобы вскрыть — взрезать по краешку — конверт.

— А сам что?

— А то, что оробел. Замешкался, гмыря.

— Ну-тка! С чего бы?

— Так прокуратура ж...

— А-а-а. Добрались до тебя. Дознались о твоей дружбе с братками-уголовничками. У тебя полприхода с судимостями. — Матушка Василиса вошла в настроение, в настроении же не прочь была и пошутить. — Вот прокурор-то тебе соли под зад всыплет для вразумления.

— Не шуткуй. По частям тела особенно не прохаживайся. Имей почтение к сану. — Отец Вассиан помолчал с таким видом, словно ему было что добавить к сказанному. — «Нынче будешь со Мной в раю». Кому сказано? Разбойнику сказано. Да я и сам по молодости зоны нанюхался. Читай письмо.

Матушка Василиса, слегка засуетившись оттого, что ее попрекнули (надеялась усердной перепечаткой рукописи снискать себе безупречную репутацию), торопливо вскрыла ножницами конверт. Она сгребла со стола в руку клочки бумаги, спрятала в карман фартука и стала про себя читать, перебегая глазами от строчки к строчке.

— Ну, что там? — Отец Вассиан не вытерпел, меж тонких губ вновь пролегла извилистая чернота.

— Пишут, что отпускают твоих-то. Вялого и Камнереза. Тебе на поруки, как ты и просил. А то тебе хлопот без них мало.

Отец Вассиан не то чтобы не поверил, но все же немного усомнился. Поэтому взял у жены письмо и сам прочел.

— Отпускают. Чудеса.

— Да не чудеса, а власть к церкви теперь помягчала. Усовестилась. На уступки пошла. А то ты не знаешь. Меня вон бабы у колодца, как с праздником, поздравляют. Говорят, что к прежнему охальники уже не вертанутся, что теперь заживем. Все, что порушили, восстановим, заново освятим. Придел Святой Троицы отремонтируем, служить начнем. — После попрека она старалась подольститься к мужу.

— На какие шиши отремонтируем? Патриархия ни копейки не даст. Только последнее заберет. На

пожертвования? Тут мне, правда, пообещали... — Он не стал распространяться, чтоб не сглазить, прикусил язык.

— Смотря кто жертвует. — Матушка искоса на него по-смотрела. — Да и ты, отец, знал, на что шел, когда тебя рукополагали. Из сержантов-то.

— Нечего было выходить за сержанта.

— Да уж такой сержант, что не могла не выйти. — Она любовно, с томной усладой вздохнула, и круглое лицо ее слегка зарозовело и расплылось.

— Ладно, прочти о сроках. Когда они вернутся, эти двое? Когда их ждать? Только бы не на Благовещение и не на Страстную, чтобы часом не согрешить. А то птица гнезда не вьет, мы же как на грех осуетимся со встречей-то, оскоромимся.

— Нечем оскоромиться. На полке пусто. Одни только зубы твои и мои — те, что мы с началом поста туда положили.

— Зубы на полку? Это по-нашему. Ты это хорошо сказала.

— Сказала-то хорошо, да жить от этого не легче. Ты б хоть какую-нибудь подмогу завел, учудил коммерцию... Сейчас только ленивый не коммерсант.

— Товарный вагон на миллион тебе украсть? Нет, с коммерцией жить, может быть, и легче, но душе труднее. Тяготит она душу, коммерция...

— Чаю, не коммерция, а другое тяготит тебе душу, — тихо сказала матушка Василиса, пользуясь тем, что он ее уже не слушал, а потому и не мог услышать.

Глава вторая

Послание к галатам

Отец Вассиан раз пять перечитал письмо из прокуратуры, повертел в руках, даже зачем-то посмотрел на свет, словно там могли быть водяные знаки или тайные шифры.

Но на письме водяных знаков не было: они проступили у него в голове, и с такой отчетливостью, что он сразу сел писать записку — писать так же размашисто, как и крестился. И лишь только сел, матушка Василиса неслышно встала у него за спиной, заставляя себя не смотреть и искося все же бросая цепкие взгляды на бумагу.

— И к кому ж сие послание? — спросила она, поджимая пухлые губы и с показным безразличием возводя глаза к потолку.

— К Галатам. — Отец Вассиан как заслон от ее любопытства выставил адресатов послания, но не своего, а апостола Павла.

— И что ж ты этим Галатам сообщаем?

— А то... — исчерпывающе ответил он на ее вопрос. — Не засти мне свет. Не маячь.

— Я тебе и лампу могу включить, электричества не пожалею, коли ты этих Галатов так любишь и жалуешь.

— Я всех люблю. И больше всего тебя и наших детей.

— Твои дети — пули и картечи, сержант. Еще по Афганистану. А я, дура, у тебя, как пушка заряжена. Не любишь ты меня.

— Ну вот... — сказал он, не переставая писать. Наконец закончил, перечитал и поставил точку. — Ну вот и раскисла попадаья. Поползла, как тесто из квашни. Кого ж я люблю, по-твоему?

— Твоих Галатов. Вернее, одну особу из них, галатянку...

Отец Вассиан аж рассмеялся, удивляясь тому, что только людям на ум не взбредет.

— Любаву-то? Любу Прохорову?

— А то кого ж...

— Я ей пишу, чтобы предупредить. Муженек-то ее — Вялый Серега — возвращается. Так ей схорониться надо... хотя б на время. Пока он не остынет. А то беды не оберешься. Вялый-то хоть и тихий, да ревнивый...

— Думаешь, он знает?

— Конечно, знает. Нет сомнения. Дружки ему по доброте своей в зону написали. В красках изобразили... Он отомстит.

Матушка Василиса поймала его на нужном ей слове.

— А ты, отец, разве не мстишь? — спросила она после сосредоточенного молчания и — сказанного не воротишь — пугливо закрыла ладонью рот.

Отец Вассиан посмотрел на жену пристально и с откровенным изумлением, какого давно не испытывал (и уж стал даже забывать, что это такое).

— Ты что это сказала? Кому это я, по-твоему, мщу?

Тут матушка Василиса посчитала ниже своего достоинства промолчать и — раз уж начала — не выговориться до конца.

— А кому ж, как не ей, Любаве твоей ненаглядной.

— Любаве... — Отец Вассиан обозначил этим именем нечто, имевшее настолько разный смысл для нее и для него, что он не знал, как к этому подступиться. — Вот так фокус. За что же мне ей мстить?

— Не беспокойся. Есть за что.

— Это тебе, мать, надо беспокоиться за ту напраслину, что ты на меня возводишь.

— Ладно, скажу. А за то... за то, что она к Витольду Адамовичу, полячишке этому, от тебя переметнулась. Была тебе духовная дочь, ему же стала невенчанная жена, братцу же его Казимиру, близнецу, друг и утешитель.

— Утешитель у нас один — Святой Дух. А ты по части напраслины далеко ушла. Ох, как далеко!

— Напраслины? А ты сверь-ка по датам. Седьмого сентября она ушла, а восьмого ты написал прошение

в прокуратуру. — Она показала семь пальцев, а затем добавила к ним восьмой, самый обличающий.

— Разве восьмого? Что-то я уж и не припомню...

— Восьмого, восьмого, отец. Уж я-то запомнила. Сама на почту носила.

— Ну и что? Простое совпадение. — Отец Вассиан отодвинул свой стул от стола и откинулся всем своим большим, грузным телом на спинку — так, что стул пошатнулся и протяжно скрипнул.

Она зачастила скороговоркой под этот скрип:

— Не совпадение, а ты Вялого для того и вызвал, чтобы тот, как муж, ее вернул и проучил. Хоть бы избил до полусмерти, но умело, без синяков. Разве это не месть?

— Нет здесь никакой связи. Да и не Вялый он, а Сергей Харлампович Прохоров, наш прихожанин. А то взяли моду тюремными кличками друг друга окликать.

— Знаю, что Сергей. В паспорте записан Харламповичем, а на самом деле Ахметович.

— И по фамилии — Хамидулин, хотя сменил ее на фамилию жены.

— Выходит, что татарин. — Матушка вздохнула в знак того, что всех готова любить и жалеть — и татар, и русских.

— По матери-то русский — оттого и Сергей.

— Все равно татарская кровь сильнее.

— Да хоть бы эфиопская. А скажи в таком разе, зачем мне дружок его Камнерез понадобился? — Отец Вассиан снова придвинулся — вместе с шатким, скрипучим стулом — к столу.

Матушка Василиса хотела тотчас ответить, но впопыхах запнулась, а уж когда ответила, то самой показалось зряшным и ненужным на что-то отвечать.

— Зачем, зачем. Так, заодно... И не Камнерез он, а Леха Беркутов, киномеханик при клубе и звонарь у тебя на колокольне. И оба — твои верные опричники.

— Ты, мать, словами-то не шибко бросайся...

— Ну, не опричники, так порученцы, — поправились матушка, но с таким видом, будто оба слова означали ровнехонько одно и то же.

Глава третья

Деликатного свойства

Выглянуло — выпросталось из-за сизого облака — солнце. Едва позолотило двор и спряталось — вновь потянуло прохладой. Застучал по карнизам дождик и тотчас обратился в бесшумный крупитчатый снег. На часах пробило полдень, и радио в подтверждение пропикало двенадцать раз.

С того берега на пароме вернулась дочь Санька, рыжая и веснушчатая. Она с утра побывала у подруги: вместе готовили билеты к выпускным экзаменам, а как надоест, зевали во весь рот, от скуки толкались, щипались и дрались подушками.

На крыльце она скинула забрызганные грязью сапоги и сдернула с головы беретку, тряхнув головой, чтобы сами собой — без расчески — улеглись волосы. На иконы, конечно, не перекрестилась, как ее ни воспитывай твердолобую. Опять не придержала дверь террасы — так хлопнула, что стекла в переплетах задрожали и звякнули.

Отец Вассиан, хоть и не любил шума и резких звуков, но стерпел, не стал выговаривать дочери: просьба к ней была, и весьма деликатного свойства, требовавшая соблюдения конспирации и маскировки. Особенно — по отношению к матушке Василисе, усердной дознавательнице, кто, кого, о чем попросил, кто, куда и зачем пошел.

Поэтому отец Вассиан лишь спросил у дочери:

— Как на улице?

Санька картинно содрогнулась — изобразила брезгливую оторопь мерзлячки перед промозглой погодой.

— Брр!

Отец Вассиан не оценил ее актерских достижений.

— Мать во дворе или вышла куда?

— Во дворе поросенка кормит.

— А может, вышла? — Отец Вассиан что-то не помнил, чтобы мать собиралась кормить поросенка в это время.

— Может... — Саньку явно заботило что-то другое, не имевшее отношения к тому, о чем спрашивал отец.

— Ты что ж, не заметила? Глаза-то есть?

— Я билеты про себя повторяла. По сторонам не смотрела. Поесть мне не оставили?

— В кастрюльке там, на кухне... — Отец Вассиан не старался обнадежить дочь тем, что в кастрюльке она найдет что-либо вкусное.

Санька все мигом поняла и скривилась.

— Опять свекольные котлеты? Видеть их не могу.

— А Великий пост не по тебе? Скоро Страстная...

— У вас пост, а у меня экзамен. Билеты зубрить надо. Где силов-то взять?

— До Пасхи осталось всего ничего. Святому Духу молись. Вот силов-то и прибавится.

— Молилась, а есть хочется. В животе урчит от голода — кошачьи концерты. Котлет бы мать накрутила... Или дай мне денег на ресторан.

— Что-что?

— Наш ресторан днем как столовая работает.

— Размечталась. Что ж тебя подружка не угостила?

— У нее самой одна капуста да свекла. Еще помидоры маринованные в банке.

— Самая еда для поста... Ладно, дам тебе на ресторан. — Отец Вассиан подобрел, умягчился голосом. — Только выполни одну просьбу. Уважь.

— Опять на колокольне звонить?

— Записку отнести к одной особе.

— Полине Ипполитовне?

— Почему это ты решила?

— Она же у тебя в особах ходит.

— Она-то ходит, но я к ней больше не хожу. Она в пост всех пирожными угощает, да и вообще... салон. Нет, отнеси Прохоровой Любе. Только матери на глаза не попадайся.

— Какая ж твоя Люба особа!

— Не придирайся. Об особе я так, от запальчивости... Мы тут с матерью о ней балакали. Немного повздорили. Особой-то мать ее назвала. Ты адрес ее знаешь?

— Так она у братьев-близнецов живет, за кирпичным заводом. Казимир Адамович у нас теперь в школе преподает. Математику. Он говорит, что Бога нет, а есть теория вероятностей и математическая статистика.

— Значит, будет в аду раскаленные сковороды лизать. Своим лживым языком. У чертей своя статистика.

Санька по-своему истолковала его адские посулы. Она притихла, помолчала и якобы безучастно спросила:

— А ты мог бы за веру убить?

— Как убить?

— В Афгане же ты душманов этих убивал. А они — мусульмане.

— Скажешь тоже: в Афгане... Там война была. И нас убивали. Глаза выкалывали. Уши, носы и кое-то другое отрезали.

— А Казимира нашего мог бы?

— Убить-то? Нет... — Отец Вассиан развел руками в знак полной неспособности к подобным действиям.

— Жалко его. — Санька всхлипнула и часто заморгала. — Он добрый. Помолись, чтобы его там на небе простили.

— Молюсь. За всех молюсь. Это я так... страшаю. Вера-то не каждому дается.

— Ну, я пошла... — Санька смахнула слезинки и, слегка приподнявшись на цыпочки, поцеловала отца в висок.

— С Богом. — Отец Вассиан протянул ей сложенную вчетверо записку. — К братьям-близнецам и неси. А на обратном пути все-таки загляни к Полине Ипполитовне. Скажи, что я в среду у нее не буду. Страстная... нехорошо.

— Скажу, — пообещала Санька. — А Полина Ипполитовна мне на это что-нибудь свое скажет. Она же — особа... И к тому же ндравная, как о ней все говорят.

— Говорят, а ты не говори. Не повторяй. — Отец Вассиан что-то внушительное прибавил к этим словам глазами. — Скажешь, значит, осудишь.